

Роальд Мандельштам родился под созвездием стрельцов в 1932 г. в Ленинграде. Его друг художник Шарль Шварц в честь этого события написал фреску "Стрельцы". Она и сейчас находится в комнате Мандельштама на Садовой, правда новые хозяева заклеили ее обоями.

Войну Роальд провел в эвакуации, вернулся в Ленинград в 1947 году. Учился он многому, но беспорядочно. Был студентом Политехнического института, занимался в Университете китайским языком. С детства он тяжело болел: с 4 лет его мучила бронхиальная астма, с 16 добавился костный и легочный туберкулез. Он умер в феврале 1961 года в возрасте 29 лет. Одинокого неизвестного поэта проводили на кладбище несколько друзей художников.

В начале пятидесятых годов Роальд познакомился с "Орденом нищенствующих живописцев". В него входили: Александр Арёфьев, бывший магистром ордена, Рихард Васми, Валентин Громов, Вадим Преловский, памяти которого посвящено стихотворение Роальда "Дом повешенного".... Молодые люди вели жизнь богемы, рисовали нищих на папирти Никольского Собора, бродяжничали. Их опьянил дух французской свободы, открывшийся им в 1953 году на стенах Эрмитажа. В те времена выставка импрессионистов была явлением скандальным. Но для них воля к независимости, выраженная живописно, оказалась и ключом к жизни.

Цветовые пристрастия "Ордена" были творчески освоены Мандельштамом. "Золото" и "золотой" в его стихотворениях - это не дань литературной традиции и не уступка романтическому вкусу, это золотой фон в гротескных картинах Арёфьева, на котором возникают страшные хари его героев. Они легко переходят с холста в стихотворение. пейзажи Мандельштама сродни пейзажам раннего Рихарда Васми.

Языком Роальда Мандельштама заговорило новое поколение. Несмотря на магическое совпадение имени, он не стал подражать своему

гениальному предшественнику и тезке. Он выработал собственную эстетику. Замечательный диалог через тридцать лет представляет собой стихотворение Роальда Мандельштама "Я пуст — мертвы мои дороги..." с эпитафией из Осипа Мандельштама "Мне на спину бросается Век-волкодав, Но не волк я по крови своей". Это и перекличка двух поэтов, и спор меж ними, и судьбы родство.

Читая Роальда Мандельштама я сызнова остро вспоминаю и обретаю утраченное время, ту юность, пронизанную ожиданием жизни и свободы, с высокомерием и тоской, с презрением к быту, службе и карьере, когда ели, что попало, и ночевали, где придется, и старый Город был нашим общим домом.

Стихи Роальда Мандельштама не получили известности, при следующей им по праву. В пятидесятые годы они были "слишком авангардными", а следующее поэтическое поколение имело узкую ориентацию на возрождение "золотого начала века" — между акмеизмом и обериутами. Теперь, когда на глазах угасает мода на неоклассицизм, мы можем по достоинству оценить стихотворения Роальда как самобытное явление в русской поэзии. Роальд Мандельштам первым из новых поэтов преодолел рубеж немоты, и я думаю, что его вторичное рождение не за горами.

Н.Н.

ПЕСНИ О ЛИСТОПАДЕ

Скоро в небесные раны
Алая — хлынет заря.
Золото ночи — бураны
Хлопьями листьев горят.

Вижу: созвездия — кисти
Неба — победных знамен,
Слышу осенние листья,
Их металлический звон.

Бьет листопад в барабаны,
Каждым листом говоря:
— Скоро в небесные раны
Алая хлынет заря!

Новая Голландия

Запах камней и металла,
Острый, как волчьи клыки,
— помнишь? —

В изгибе канала
Призрак забытой руки,
— видишь? —

Деревья на крыши
Позднее золото льют.
В "Новой Голландии"
— слышишь? —

Карлики листья куют.

И, листопад принимая
В чаши своих площадей,
Город лежит, как Даная,
В золотоносном дожде.

Ночь листопада.

Было падло.

Листья падали,

Ночь оплыла стеаринами.

Золотые горы падали

Пахли - хиной, мандаринами.

Пали тени.

Пали сумерки.

Лампы - цитрусы,

Цитраты - мы

Ночью, ветрами простуженной,

В лужах - пыл денатуратовый.

Было падло.

—
х х
 х

Заоблачный край разворочен,
Он как в лихорадке горит:
— В тяжелом дредноуте ночи
Взорвалась торпеда зари.

Разбита чернильная глыба!
И в синем квадрате окна
Всплывает, как мертвая рыба,
Убитая взрывом луна.

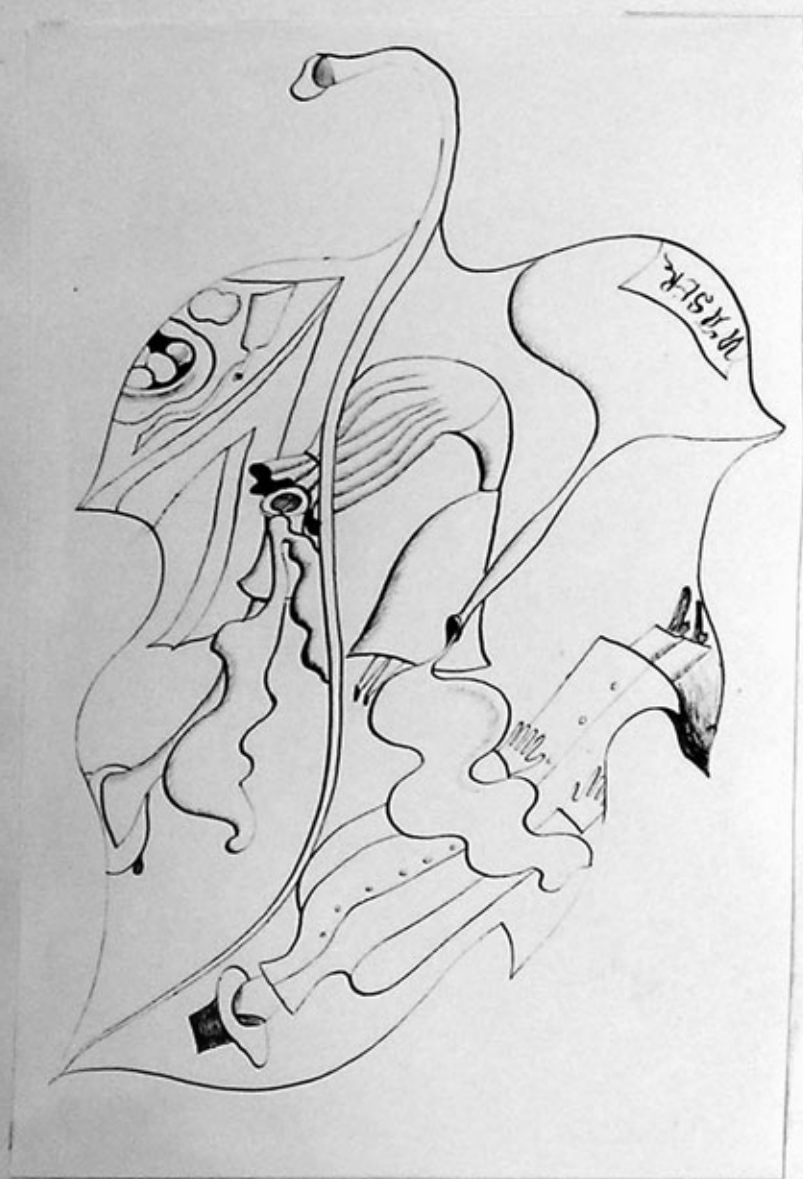
А снизу, где рельсы схлестнулись,
И черств площадной каравай,
Сползла с колесованных улиц
Кровавая капля - трамвай.

х х
 х

"Алые трамваи"

В трамвае нельзя не садиться,
А сев, - не сидеть до кольца,
Луна, обливая ресницы,
У многих стекает с лица.

Луна наливается в окна
И льется уже через край -
Сосной золотистой и теплой
Сверкает вечерний трамвай.



М. Шемакин. "Ночь листопода".

Здесь шутят удачней и больше,
Спасаясь сюда от дождей,
Все девушки кажутся тоньше,
Задумчивей и нежней.

У них золотые ресницы,
В глазах - глубина без конца,
В трамвае нельзя не садиться,
А сев, - не сидеть до кольца.

х х

х

Вечерами в застывших улицах
От наскучивших мыслей вдали,
Я люблю, как навстречу шурятся
Близорукие фонари.

По деревьям садов заснеженных,
По сугробам сырых дворов
Бродят тени, такие нежные,
Так похожие на воров.

Я уйду в переулки синие,
Чтобы вечер приник к виску,
В синий вечер, на крыши синие
Я заброшу свою тоску.

Если умерло все бескрайнее
На обломках забытых слов,
Право, лучше звонки трамвайные
Измельчавших колоколов.

2. 1954 г.

ЛЮБОВЬ ПОЭТА

Изнемогла под тяжестью метафор
И гнетом превосходных степеней
Моя любовь, прекрасней древних амфор,
— Вся скорбь земли не превзойдет моей!

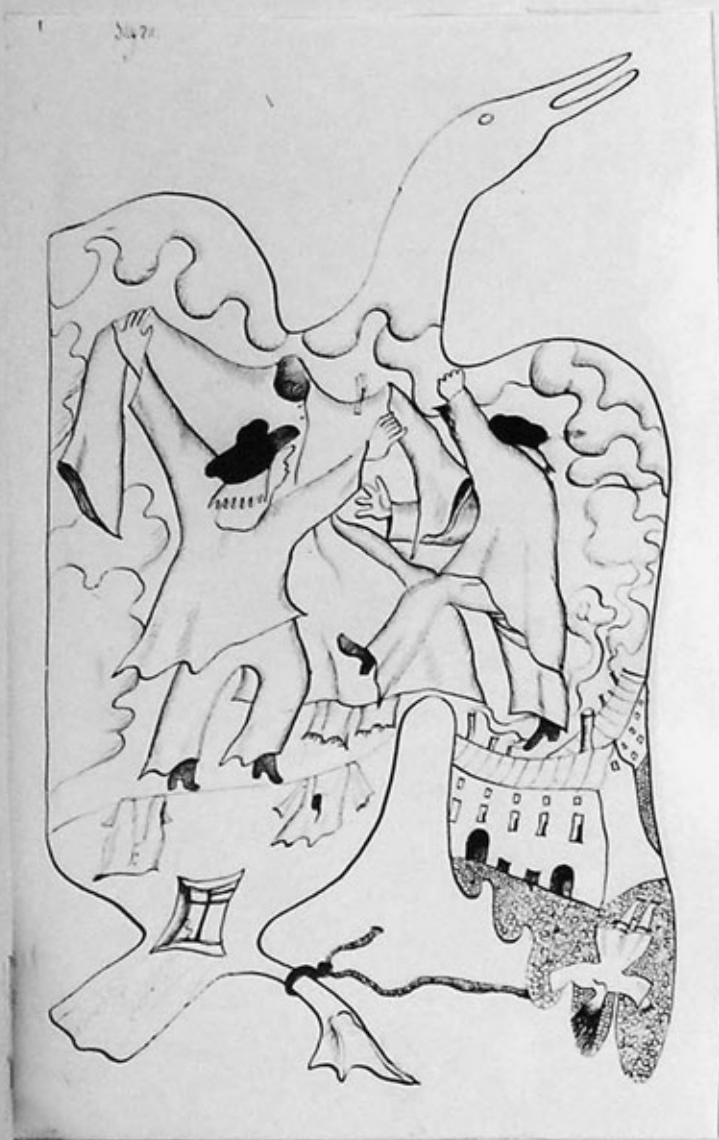
Торжественная скука песнопений,
Музейной рамой тяжело налегла,
Моя любовь померкла от сравнений,
Как от туманов меркнут зеркала.

14.2.1960

Я не знал, отчего проснулся
И печаль о тебе легка,
Как над миром стеклянных улиц —
Розоватые облака.

Мысли кружатся, тают, тонут,
Так прозрачны и так умны,
Как узорная тень балкона
От летящей в окне, луны.

И не надо мне лучшей жизни,
Сказки лучшей — не надо мне:
В переулке моем — бульварник,
Будто маки в полях Монэ.



М. Шемякин.

"Щуки".

АНТИЧНЫЙ ЦИКЛ

Я полон злорадных предчувствий,
Увидев под пылью, как мел, —
Тисненное медью: "Саллюстий" —
Металл угрожающих стрел.

— О, литеры древних чеканов,
Чьих линий чуждается ржа,
Размеренный шаг ветеранов
И яростный гром мятежа!

Я пьян, как солдат на постое,
Травой, именуемой "трын",
И проклят швейцаром — пустое!
Швейцары не знают латынь.

22. II. 1958

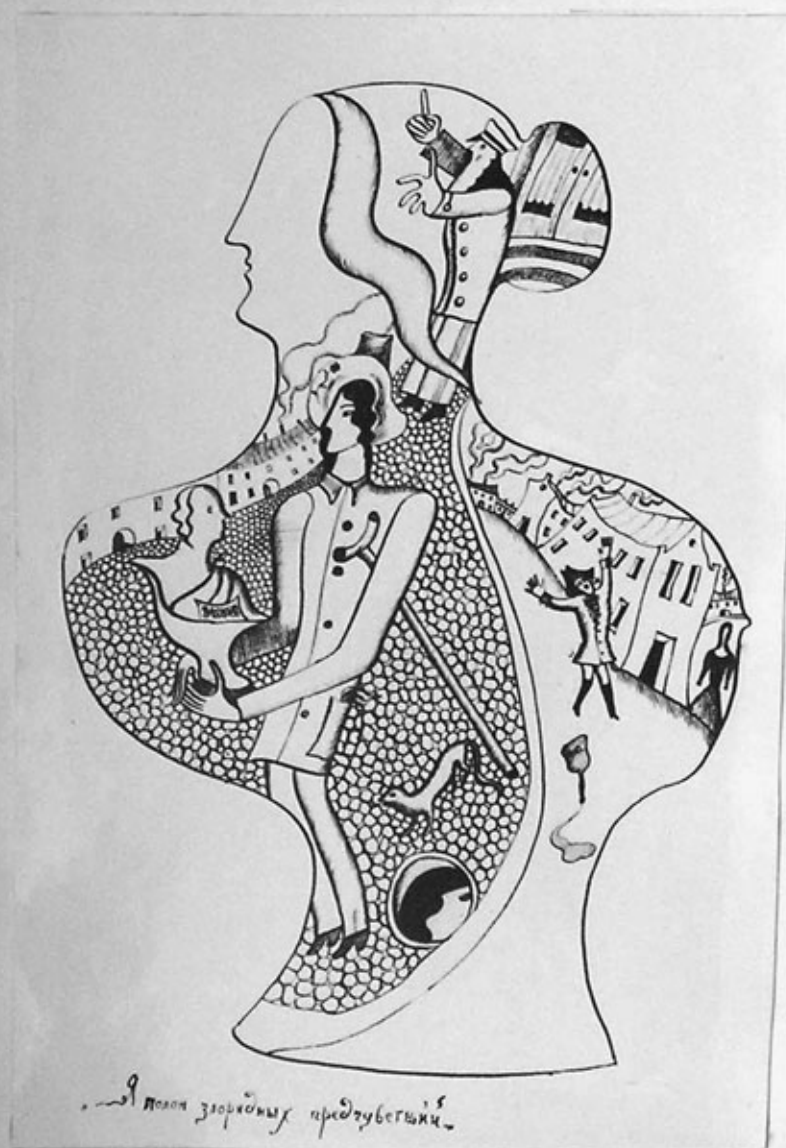
Во дворцовом пыльном коридоре
Я нашёл прелестный гобебен:
Римский флот, плывущий через море
В розовато-серый Карфаген.

И с тех пор нахмуренные лица
Раз увидев, вижу каждый день.
О, глаза у воинов! — брйници,
Где ночная опочила тень.

Не один из них, наверно, консул,
И, быть может, даже Сципион,
Дал плеснуть в глаза волне и солнцу,
А другой не дал — центурион.

Трубный рев поплыл над Карфагеном —
Мамонтов выводит Гасдрубал.
А народ, собравшийся на стены,
Переругивался и зевал.

Кто наверх смолу лениво вносит,
Кто бранит плывущий легион...
В этот миг лазутчики доносят,
Что в сенате победил Катон.



М. Шемякин. "Я полон злых предчувствий."

СТИХИ О СЕБЕ

х х

х

Не жалею мне звенящего света.
До призывов к недальней войне
Я изысканным буду поэтом
В предрассветной твоей стороне.

Я тяжелые звонкие яды
Соберу для усталых ресниц,
Чтоб не видеть тоскующим взглядом
На закат улетающих птиц.

Не видать, как небесные раны
Иссекают лимонной луной,
И не слышать, как плачут органы
До утра над тобой, надо мной...

Чуть остынут вечерние дали,
Окаймленные в траур дорог,
Как, нежней твоих рук под вуалью,
Серебристый послышался рог.

И в твоём утопающем свете,
Позабывший ночные пути,
Не смогу я ему не ответить,
Не смогу на призыв не прийти.

Ты цветы наклони надо мною,
Орошенные мертвым ключом,
Потому что, стремящийся к бою,
Я заранее пасть обречен.

х х

х

1.

Мои друзья — герои мифов,
Бродяги, пьяницы и воры.
Моих молитв иероглифы
Пестрят похабиной заборы.

2.

— В костре закатных облачений
Да сгинет свет и суета!
— Аминь!
/На улицах вечерних
Прохожих душил темнота./

3.

От лунного света,
Фонарного света —
Тени:

Валюты.

Спирали.

Тенета.

4.

Качнутся лампы.
Дрогнут тени —
И ночь обрушится в лицо
С колючей готикой видений —
Картечью битых леденцов.
Молось, луной исполосован.
Из тени тигра — мой стихарь,
Как будто к бою разрисован,
Пою о смерти я — дикарь.

Другу.

Когда в бою покинут силы
/Ведь, может быть, случится так!/
Ты в знак того, что сердцу мило,
Умри не так, как хочет враг.

Но в память тех, что пали прежде,
Чьим взорам больше не цвести,
Погибни так, чтобы жить надежде
За эту гибель отомстить.

Читая старые стихи,
Я не скорблю о днях счастливых,
Что так прозрачны и легки
Сверкают в рифмах торопливых.

На потемневшие листы
Я только раз взглянул с печалью,
Когда напомним они
О друге искреннем и дальнем.

Рожденный осенней клоакой,
Мерзавцем, не знающим чести,
Я сдохну бродячей собакой
Под окнами бывшей невесты.

Весь день, невзирая на лето,
Она не откроет окошка,
Наверное, думая: это
Воняет убитая кошка.

Тогда-то душа, что скорбела
Позором своим втихомолку
Вселится в точеное тело
Стремительно - легкого волка.

Где мхи, голубые, как утро
Из теплой земли вырастают,
Роса обольет перламутром
Мою быстроногую стаю.

А городом темных бесчестий
Промчатся трусливые толки.
Хотя и гнушаются мести
Могучие гордые волки.

"Мне на спину бросается
век - волкодав,
Но не волк я по крови своей".

Я пуст - мертвы мои дороги,
Нас кроет звездная пурга -
Один среди четвероногих
Не мог стоять на двух ногах.

Хоть долг вражды - что помнит всякий,
Я не платил, как всякий долг,
Ю те, кого я звал: "собаки",
Не смели мне ответить: "волк"!

"Зорю бьют ... из рук моих
Ветхий Данте выпадает,
На устах начатый стих
Недочитанный затих -
Дух далече улетает..."

(Пушкин)

1.

Нельзя векам обратно течь.
Как мне - нельзя слагать терцины,
Из рук поэта выпал меч -
То гвельфы били гиббелинов.

Мне римских цифр прозрачный ряд, -
Лишь накрест сложенные спички,
Они, лишь слабо, повторяют
Всю бесконечность Беатриче.

2.

Лежит Венеция в цветах,
На верфи - дантовская барка.
Студенту пыль и духота
Библиотек святого Марка,
Мост поцелуев, вздохов мост -
Пускай изгнаннику все ново -
Лететь душа, хоть на помост,
Уж во Флоренцию готова.

3.

В любви удачлив капуцин,
Поэт - страданием обличен -
Тебе, о, Боже, грешный сын
Вручает счастье Беатриче.

х ж

х

3.8.1953 г.

Пальто, забрызганное ночью,
Тяжелый, мокрый воротник...
Лиловой тучей оторочен,
Рассвет за крышами поник.

Одно лицо простудным жаром
Горит, когда потухло все,
Когда на улице кошмары
Ревут, как бешеный осел.

Когда темно, как блеск стекольный,
Одна мечта всегда светла:
- Идти к Никольской колокольне
И, молча бить в колокола -

Пускай в ушах дыра сквозная,
И каждый дом насквозь пробит:
- За что? - За все!
- Зачем? - Не знаю!

Но только бить, и бить, и бить!

Дом повешенного

(памяти В.А.Преловского).

В целом мире не сыщешь белее ночей,
Мостовых не найдешь горячей.
А в ночи безотрадной домов не найти,
Перевитых в ночные пути.

В этом доме, лишь погаснет кровавый закат, -
Осторожные тени стучат.
Там луна серебрит потолков высоту,
Там оправлен кошмар в белизну паспарту,
Там насмешливо ангел глядит из угла,
И под пылью - тоска залегла.

В эти черные окна, лишь гаснет заря,
Наливается свет фонаря.
А в пустой тишине - запоздалый трамвай,
Да собачий серебряный дай.

Там томление белых июньских ночей,
Словно свет, навсегда потускневших очей:
В этом доме, из мрака воспрянувшем вдруг,
В этом доме повесился друг.

Этот дом надо мной, как печальный маяк,
Там канал, как большая змея,
Извивается, в камень одетой струей,
И блестящей звенит чешуей.

Облака, облака ... за окошком,
 Распухая на западе алом,
 Проплывают, как дохлые кошки
 В плесневевшей флегме каналов...

Среди белых, пятнистых и рыжих
 Полусгнивших линяющих шкур
 Закатился за дальние крыши
 Догорающий вечер — окурок.

Ископаемым городом-лесом,
 Мезозоем, обуглившим воздух,
 Задушило в болотном компрессе
 Наши песни об утренних звездах.

И о небе, смелее и лучше
 Заставляющем с ветреной выси
 Кувиркаться багровые тучи,
 Как больших окровавленных рысей.

Чтобы утром сияющей стаей
 Ты могла собирать их у окон
 И дарить снеговым горностаям
 Золотой ионический локон.

А теперь даже мокрые ветры
 Словно вымерли в городе хмуром:
 Облака,
 Облака беспросветны:
 Только шкуры —
 раздутые шкуры.

Вечер. Герб на мосту.

Пятен оконных
 Цвет малярный:
 Отблеск лимонный
 В черных перилах,

Белая вьюга...
 — Тихая вата
 Кроет восходы
 Кроет закаты.

Вечер трамвайный
 — Люди и рельсы —
 Что нам до Индии,
 Если есть Пенза?

Д И А Л О Г

/маленькая драма/

Действующие лица:

Поэт.

Голос.

Поэт:

В который раз себя я убеждаю:
Мое искусство нужно, нужно, нужно,
Не только мне, но всем, кому сейчас
Я жалобой своею досаждаю!

Голос:

Себе лишь, кто еще тебя услышит?
Настала ночь, и жители все спят...
Не спят одни...

Поэт:

Я знаю, скажешь: мыши,
И мой, меня же, убивает яд?

Голос:

Не только мыши, мышек ловят кошки,
Потом гуляют, сытые, по крышам...

Поэт:

Все так же: мышки собирают крошки.
А...

Голос:

Кошки - мышек? (появляясь)
Правильно, приятель,
Рифмованные крошки благородства
От праздника, минувшего давно -
Твой хлеб - а зубки кошек остры -
Вас мигом ...

Поэт (быстро):

Превратят в говню?

Голос:

Привычка к рифме, друг, тебя сгубила,
Вас мигом слопают, хотел сказатья, но,

81
Сама судьба меня здесь перебила —
И быть по твоему... (исчезает)

Поэт: (стучит к соседу)

Осталось ли вино?

(но, не получив ответа, засыпает).

Ноктюрн.

Дымный вечер закатом изранен.
Вместе с ночью приходит тоска,
Снова город, одетый туманом —
Золотой электрический скат.

В переулках, изученных мною,
Словно формулы школьных таблиц,
Слился сон с отсыревшей стеною,
То взлетая, то падая ниц.

И любимая, тяжело больная,
Сторона привлекает меня,
Не рассветом грядущего рая,
Но печалью прошедшего дня.

Дня, в котором так длинны минуты,
Так безрадостно-темны часы
Как тяжелые, бурные трутни,
Погибая от жала осы.

Но погибнув, растаяв в минувшем,
Будто феникс в букете огней,
Говорят о навеки уснувшем,
Возрождаясь в светающем дне.

Будто горе — лишь сон скоротечный,
Будто мертвые живы друзья —
И от яда облатки аптечной,
Будто в космос проникнуть нельзя.

х

х

х

Клубок домов и ком заката —
И в море вянущей зари
У электрического ската
На сером теле фонари.

Покой безрадостный и поздний

Сошел в ночные города:

— Да будет ночь! — И трепет звезды,

— Да будет сон! — И ночь горда.

Осенний бред в садах предснежья:

Литавры - золото - листва...

Но жизни нет, и нет надежды,

Лишь тень горбатого моста.

Есть -

Будет - Вечно - Вечно - Вечно.

Какие мертвые слова!

Искусство - храмы - звезды - свечи -

Ее глаза - Моря - Овал -

Обвал ликующих бессмыслиц

И - Прометей-железный стон -

Упав с отцовской колесницы,

Вчера

Разбился

Фазтон.

Громадные, громко молчат небеса...

Восходит звезда за звездой.

Для рифмы, конечно, я выдумал сам

Твой жалобный крик, козодой.

Но что не для рифмы! -

Оборванный сон,

Луны серповидный обрез,

Дворовый колодец - бетонный кессон,

Кессонная злая болезнь?

Монетой, блестящей в ночной синеве,

Серебряный очерк лица,

И - только для рифмы! - на черной траве

Тяжелый живот мертвеца?

Идущие к дому, спешащие прочь,

Не надо на рифмы пенять:

На ваших кроватях костлявая ночь -

Матерая, потная б...!